

Кольца ведь были готовы... Так почему же всё обернулось вот так?

Ци Хань застыл, не отрывая взгляда от обломков бриллиантов, разбросанных по столу. В голове билось только одно: Фу Гэ ведь действительно вставил камни обратно. Прочно. Аккуратно. Когда он это успел? Наверное, утром или в обед, сразу после того, как согласился помочь. Значит, если бы не случилось всего этого, он бы действительно подарил ему кольца.

Всё ведь уже шло к лучшему: кольца были готовы, отношения начали налаживаться, Фу Гэ снова смог рисовать... Всё будто бы наконец-то вставало на свои места.

Но бешеная, неуправляемая ярость Ци Ханя, словно стрелка на путях, резко свернула их с этой светлой дороги и снова отправила в мрак, как будто такой финал был предначертан.

Бриллианты, хоть и считаются самыми твёрдыми камнями в природе, на деле оказались такими хрупкими. Стоило пару раз ударить по ним молотком — и от них остались лишь пыль и осколки. Особенно если в них уже были трещины.

Всего-то немного силы — и они разлетелись в прах.

Точно так же, как их чувства, которые когда-то казались нерушимыми, теперь были искалечены до такой степени, что не могли выдержать даже малейшей бурей.

Ци Хань долго не мог прийти в себя. Он дышал прерывисто и тяжело, грудная клетка ходила ходуном, пальцы невольно дрожали. Внутри будто кто-то проделал дыру, в которую рвалось холодное, обжигающее ветром отчаяние.

Он медленно подошёл и поднял кольца, изуродованные ударами. Его пальцы машинально начали собирать бриллиантовую крошку.

Острые грани впивались в кожу, оставляя тонкие кровавые порезы, но он будто не замечал боли. Только упрямо продолжал подбирать осколки, как будто это были последние обрывки его надежды.

— Ты ведь обещал отдать их мне... — горько усмехнулся он, голос дрожал. — Неважно, что с ними стало... Они всё равно мои...

Фу Гэ смотрел на это, едва сдерживая рвущиеся слёзы, и чувствовал, как весь его мир рушится окончательно.

— Я... Я действительно обещал тебе... Я сделал всё, что обещал! — Он резко схватил Ци Ханя за ворот рубашки, притягивая к себе. В глазах отчаяние смешивалось с ненавистью. — А ты?!

— Где твои обещания? Где твоя любовь? Где будущее, которое ты мне обещал?! Где твоё чёртово «я буду заботиться о тебе»?! Всё собаки сожрали, да?!

— Бах! — глухой удар отозвался грохотом в ушах, когда тело Ци Ханя врезалось в стол, разломав его пополам. Осколки бриллиантов смешались с щепками, исчезнув без следа.

— Всё, что ты мне дал, — это ложь, боль, страх, фальшивая любовь и нескончаемый кошмар! Ты разрушил меня раз за разом! Чего тебе ещё нужно?! Убить меня? Унижать дальше?! Сломать меня до конца, пока от меня ничего не останется?! — В его крике было столько боли, что, казалось, сердце разрывалось от каждого слова.

Фу Гэ хватал всё, что попадалось под руку, и швырял в альфу, но дрожащие пальцы и нестабильное дыхание выдавали его слабость. Он был как треснувшее стекло, готовое рассыпаться в любой момент.

Ци Хань, не обращая внимания на боль и порезы, рванулся вперёд и крепко обнял его, пытаясь удержать, как будто от этого зависело его собственное дыхание.

— Ге... Прости... Прости меня, это я виноват. Сегодня я вёл себя ужасно. Я... я не должен был мешать вам разговаривать, не должен был рвать твой рисунок. Это всё моя вина. Я больше так не буду... Я изменюсь, обещаю... — Голос Ци Ханя был полон отчаяния, он дрожал, как сухой лист на ветру.

Он осторожно прикоснулся кончиками пальцев к щеке Фу Гэ, так нежно, будто боялся, что тот разобьётся. Голос почти срывался на шёпот, растворяясь в воздухе:

— Дай мне ещё один шанс, пожалуйста... Я только хочу, чтобы ты снова стал счастливым. Немного счастливее, немного здоровее. Чтобы ты снова был тем беззаботным принцем, как раньше. Делай со мной что хочешь, только не рани себя... Хорошо?

Фу Гэ холодно усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли тепла, лишь жгучая горечь.

— Снова как раньше? — его голос капал ледяным ядом.

Он оттолкнул руку Ци Ханя, и от этого движения веяло ледяной злобой:

— Ты что, до сих пор не понял? Обратной дороги нет. Ни для тебя, ни для меня, ни для нас. Мы оба давно перестали быть собой.

— В этой жизни я испытал самую страшную боль, самую глубокую любовь и самое мучительное счастье. И всё это — твоих рук дело. Ты дал мне слишком много, и я не могу этого вынести. Поэтому я возвращаю тебе всё сполна...

Он отступил на пару шагов назад, его улыбка была натянутой и холодной, словно застывший жир на остывшем бульоне. В следующую секунду Фу Гэ медленно достал из-под подушки тёмно-синий шёлковый браслет с подвеской в виде молитвенного барабана и бросил взгляд, полный презрения:

— Это последнее, что я тебе должен.

Сердце Ци Ханя болезненно дёрнулось:

— Он... он всё это время был у тебя...

Это был его первый подарок после того, как они начали встречаться. Фу Гэ выиграл этот хада на скачках у подножия священной горы Загха, прорвавшись сквозь двадцать два молитвенных флага. Он вырезал из него тонкую полоску и сделал браслет, не раз повторяя, чтобы Ци Хань хранил его бережно. Нельзя было рвать, нельзя было разрезать, иначе удача уйдёт.

— Ты знаешь, что я делал той ночью, когда ты спал? — голос Фу Гэ был тихим и пронзительным, словно лезвие, входящее в плоть. — Я всю ночь стоял у палатки, держал этот барабан и молился. Молился, чтобы мой мистер Медвежонок был счастлив. Чтобы всегда был здоров и счастлив.

Договорив, Фу Гэ резко дёрнул за подвеску, и молитвенный барабан отлетел в сторону, глухо звякнув об пол. Затем он взял со стола ножницы.

Лицо Ци Ханя перекопилось от ужаса, маска, которую он носил, дала глубокую трещину. Он замотал головой, в широко раскрытых глазах плескалась паника:

— Ге... не надо... пожалуйста, не делай этого...

Но Фу Гэ, не дрогнув, разрезал шёлковую ленту на куски и швырнул их под ноги.

— К чёрту твоё счастье и здоровье! — холодно бросил он. — Ты заслуживаешь только одного — жить так же, как и я в аду.

Лёд на реке, однажды тронувшийся, снова сковало, но на этот раз толще и беспощаднее прежнего.

Ци Хань стоял перед дверью палаты, как высушенная оболочка, лишённая костей и крови. Он знал, что больше никогда не сможет туда войти.

Той же ночью врач принёс капельницу с удвоенной дозой феромонов. Ци Хань долго смотрел на это, не понимая, а когда наконец осознал, холод прокатился по спине. С того самого

первого раза, когда дозу увеличили, Фу Гэ начал относиться к нему мягче.

Значит, он был спокоен не потому, что тронулся оттого, что Ци Хань отдал кольца, поставив на кон своё самое уязвимое место. Нет. Это была просто побочная реакция передозировки феромонов, сглаживающая углы и размывающая границы сознания.

С самого начала и до конца Фу Гэ даже не думал жалеть его.

Как два противоположных конца весов: чем дальше отдалялся Фу Гэ от Ци Ханя, тем ближе становился к Ци Чуаню.

За исключением короткого «спасибо» по утрам после очередной процедуры, Фу Гэ едва достаивал Ци Ханя взглядом. А вот с Ци Чуанем они проводили вместе долгие часы: разговаривали, рисовали, находили всё новые и новые темы, будто могли говорить бесконечно.

Ци Хань знал десятки способов избавиться от Ци Чуаня. Самый мягкий — обрушить на его компанию волну неприятностей, чтобы тот просто не мог вырваться и появляться здесь. А если этого мало — одним движением подорвать всю корпорацию Ци, оставив его в руинах.

Но сейчас он не смел сделать ни шага.

Предыдущий опыт был слишком мучительным. Он боялся, что если перешагнёт черту, то потеряет Фу Гэ окончательно. Боялся снова увидеть его мёртвые глаза и потухший взгляд, который только недавно начал оживать благодаря Ци Чуаню.

И от этой ревности, съедающей изнутри, Ци Ханю хотелось сойти с ума. Но он ничего не мог поделать.

Фу Гэ же теперь часто готовил для Ци Чуаня: бульоны, супы, сладости — всё, чтобы отблагодарить его за поддержку. Он уже мог держать кисть, пусть линии выходили неровными и неуверенными, но это было настоящим прогрессом.

Более того, он снова вернулся к старой привычке — ставить печати на подарки для дорогих ему людей.

Но Ци Хань давно потерял право на эти знаки внимания.

Медвежонок с горшком мёда больше не появлялся. На его месте теперь была пушистая красноклювая птичка. Ци Хань видел своими глазами, как Фу Гэ рисует этих птичек на каждой упаковке сладостей, приготовленных для Ци Чуаня, с той же заботой, с какой когда-то готовил сюрпризы для своего Мистера Медвежонка.

— Мистер Ци, не могли бы вы передать эти сладости учителю? И если это удобно, я хотел бы поехать с вами к нему в эти выходные, — с лёгкой улыбкой попросил Фу Гэ, протягивая коробку.

Ци Чуань взял сладости и, прежде чем согласиться, не удержался и похвалил его за последние рисунки:

— Твоя «Красноклювая птица» стала ещё лучше. Когда бы ты ни захотел поехать — всегда пожалуйста. Учитель на этой неделе все выставки отменил, только и делает, что спрашивает, когда ты вернёшься. Каждый день меня подгоняет.

Перекинувшись ещё парой фраз, они попрощались.

А через мгновение в сад, радостно болтая, вбежал мальчишка с мольбертом в руках.

Он уже совсем освоился рядом с Фу Гэ, так и лип к нему, не иначе как «жёнушка» не называл. И сейчас, хлопая себя по шапке, засеменял к нему, готовый вцепиться как репей. Но Ци Чуань успел поймать его на лету:

— Эй, ты куда, маленький сорванец! Осторожнее, а то ещё собьёшь его с ног.

Мальчишка залился беззаботным смехом, устраиваясь у него на руках, и тут же протянул пухленькие ладошки к Фу Гэ:

— Жёнушка, на ручки!

Фу Гэ вспыхнул от смущения, но всё же взял его за руку и, мягко потирая пальчики, улыбнулся:

— Так тебя же уже держит твой братец Ци.

Ци Хань стоял в беседке неподалёку и не слышал их разговора. Он видел только, как Ци Чуань и мальчишка стоят рядом с Фу Гэ, втроём рисуют, смеются. Как мальчишка случайно ставит кляксу на его рубашку, а Ци Чуань, усмехнувшись, достаёт платок и тут же лёгким щелчком поддразнивает мальчишку, ловко пощёлкав его по щеке.

И выглядели они сейчас как самая счастливая семья на свете. Прямо как в тех мечтах, где он сам стоял рядом с Фу Гэ и мальчишкой, улыбался и держал их за руки.

— Так и будешь стоять, уставившись? — ехидно прошипел кто-то рядом.

Чэнь Син, которому всё это явно не нравилось, от злости уже почти все лианы с беседки ободрал, дёргая за них с остервенением.

Но Ци Хань не отреагировал. Лицо его оставалось бесстрастным. Он лишь протянул ему куртку и спокойно сказал:

— Сходи за меня.

— Да ты что, серьёзно?! — Чэнь Син аж подскочил, как будто ему на хвост наступили. — Охренеть, братан, ну ты дал! Так, я понял: берём Ци Чуаня, натягиваем ему мешок на башку и отдубасим так, что его мама родная не узнает? Или сразу спускаем штаны и устраиваем стриптиз на районе? Да я сегодня хоть на стену влезу, только свистни!

— Помоги передать эту куртку Сяо Гэ. Похолодало, а то, что он носит, слишком тонкое, — сухо бросил Ци Хань.

— Охренеть ты лох! — Чэнь Син уставился на него так, будто перед ним ожили динозавры. — Ты вообще в своём уме, братан? У тебя парня уже почти увели, а ты ещё переживаешь, не мёрзнет ли он?!

— Заткнись уже, — Ци Хань устало прикрыл глаза. Не выдержав, он развернулся и сунул куртку проходившему мимо врачу: — Простите, не могли бы вы отнести это пальто тому бете у клумбы?

Врач быстро кивнул, взглянув на куртку:

— Тому, что в синей рубашке и со своим парнем рисует?

— Да, в синей рубашке. Но это не его парень.

— А, вот как. Ну извиняйте, ошибочка вышла, просто выглядят-то они очень даже... близко. — Врач взял пальто и направился к Фу Гэ.

В тот же момент напротив, из-под тени деревьев, вышел родственник одного из пациентов. Коротко стриженный, весь в чёрном, правая рука в кармане. Но что-то в нём заставило Ци Ханя мгновенно напрячься. Он уставился на врача так, что тому, наверное, жить перехотелось.

Глаза Ци Ханя мгновенно сузились:

— Чэнь Син, глянь на того... Сяо Гэ!

Дальше всё произошло в считанные секунды.

Как только врач подошёл к Фу Гэ, мужчина резко рванул вперёд, вытащив из кармана тяжёлый нож с широким лезвием.

— Сволочь! Верни мне жену! — взревел он, и нож описал дугу, оставив глубокий порез на плече врача. Алые брызги на мгновение будто застопорили время. Мужчина взбесился окончательно: его глаза налились кровью, и он, почти не целясь, кинулся рубить дальше.

Врач, бледный как смерть, едва не на четвереньках бросился за спины к Фу Гэ и Ци Чуаню. Ци Чуань заслонил собой Фу Гэ, Фу Гэ прижал к себе перепуганного мальчишку, но деревянный мольберт тут же разлетелся под ударами.

Врач был омегой и от страха утратил всякую координацию. Он вдруг заверещал, как резаный, налетел на Фу Гэ и сбил его с ног, а сам помчался дальше. Мужчина с ножом, обезумев от ярости, хрипло рявкнул и со всей силы пнул Фу Гэ, заноса нож для удара.

— Ге!!! — мальчишка завизжал так, что уши заложило. Фу Гэ, стиснув зубы, крепко прижал его к себе, уже готовясь к удару. Но за мгновение до того, как лезвие опустилось, раздался оглушительный грохот.

Ци Хань, налетев как буря, с ноги вышиб нападавшего на два метра в сторону.

— Беги! — коротко бросил он, приподнимая Фу Гэ за плечи. Ладонь его на мгновение мягко скользнула по щеке, как будто успокаивая.

Мужчина, скорчившись от удара, уже поднимался с земли. Ци Чуань, пошатнувшись, было шагнул вперёд, но Ци Хань рывком оттолкнул его к Фу Гэ:

— Защищай их. — Он коротко тронул блютуз-гарнитуру на ухе, и его голос, холодный и убийственный, разнёсся по радиоканалу: — Всем спуститься вниз.

Мужчина, прижимая рёбра, ухмыльнулся:

— ЗS-альфа, хах, ну ты и везучий, богач, — он хрипло засмеялся, — уведу тебя с собой, хоть не зря сдохну.

Ци Хань медленно нагнулся, поднял нож, который тот выронил, и крепко сжал его в руке. Атака альфа-феромонов обрушилась, как ураган, снося всё на своём пути. Взгляд его был такой мрачный, что даже солнце, наверное, бы заволокло тучами.

— Какой ногой ты его пнул? — холодно спросил он, глаза горели, как у демона из самого ада.

Мужчина пошло подал бёдра вперёд и мерзко ухмыльнулся:

— Средней ногой.

Ци Хань усмехнулся в ответ, и в его глазах полыхнул ледяной огонь:

— Отлично. Тогда смотри внимательно, как я её отрублю и скормлю тебе.

После смерти Ци Цзи, на протяжении многих лет Ци Хань жил в невыносимом чувстве вины за то, что не смог защитить отца. Он вдоволь хлебнул отчаяния, когда, стоя перед преступниками, чувствовал своё бессилие. Поэтому с пятнадцати лет он начал заниматься боевыми искусствами, и в свои лучшие годы мог в рукопашной уложить чемпиона IBV* в тяжёлом весе.

И даже если не учитывать подавляющие феромоны и генетическое превосходство, таким как Ци Чуань, у которых только феромоны и остались, ему и близко не тягаться с Ци Ханем.

Из-за кустов доносились глухие и смачные звуки ударов, перемежающиеся с истошными криками. Фу Гэ крепко прижимал к себе мальчишку, закрывая ему уши, чтобы тот не слышал, как хрустят кости. Охранники Ци Ханя примчались раньше, чем больничная охрана успела понять, что происходит. Половина кинулась на помощь своему боссу, другая окружила Фу Гэ, готовая отразить любой удар.

Но из-за потери феромонов Ци Хань тоже не мог долго держаться. Он с усилием отдернул руку, перепачканную кровью, и попытался встать. И тут его словно током ударило: Фу Гэ вдруг испуганно вскрикнул.

Сердце едва не остановилось, он мгновенно обернулся, но в ту же секунду нападавший, которого все считали вырубленным, внезапно вскочил, глаза безумно полыхнули, и нож со свистом рассёк воздух, глубоко вонзаясь ему в спину.

Раздался влажный треск разрываемой плоти.

Тело Ци Ханя дёрнулось, и он, не успев даже выдохнуть, рухнул лицом вниз на землю. Краем мутнеющего взгляда он видел, как Фу Гэ в панике бросился к Ци Чуаню:

— Мистер Ци! Вы ранены!

— Хань-ге! Хань-ге! — с разорванным криком Чэнь Син рванулся вперёд, и в этот момент охранники скрутили нападавшего, прижимая его к земле.

Фу Гэ остановился как вкопанный, глядя на это всё расширенными от ужаса глазами. Он судорожно вдохнул, но воздух словно застрял в гортани, не давая сделать ни шага.

Ци Ханя перевернули на спину, и он тут же захрипел, выплёвывая тёмную кровь. Его взгляд был расфокусированным, стеклянным, но он всё равно пытался найти Фу Гэ. Из горла с трудом вырывались обрывки слов:

— Ге... Сяо... Сяо Гэ...

— Твою мать! — Чэнь Син, едва не сорвав голос, обернулся к Фу Гэ, глаза покраснели, как у загнанного зверя. — Иди сюда! Ты только посмотри на него! Он зовёт тебя!

Фу Гэ весь дрожал, лицо было мертвенно-бледным, как у марионетки без нитей.

Чэнь Син сорвался окончательно:

— Ты что, совсем бессердечный?! Как ты, мать твою, можешь быть таким жестоким?! Ты вообще понимаешь, кого должен защищать? О ком должен заботиться?! Как ты думаешь, чьи феромоны ты всё это время использовал, а?!

С этими словами он дёрнул за высокий ворот свитера Ци Ханя, содрал окровавленную марлевую повязку на его шее. То, что увидел Фу Гэ, заставило его замереть в ужасе. Альфа-железа была вся в язвах и гное, распухшая и разорванная, будто гниющая рана.

Фу Гэ застыл, широко распахнув глаза, воздух застрял в лёгких.

Чэнь Син, почти рыча от отчаяния, в последний раз взмолился:

— Тридцать три капсулы феромонов! Он выжал из своей железы всё, до последней капли! Я тебя умоляю, подойди к нему, хоть на секунду!

— Не... не надо его заставлять... — с трудом выдавил Ци Хань, полузакрыв глаза. Губы его были перепачканы кровью, каждый вдох рвался сквозь стиснутые зубы.

Его пальцы, липкие от крови, нащупали в кармане сложенный пополам лист бумаги. Чэнь Син тут же подался вперёд и развернул его.

Это был тот самый медвежонок, разорванный на две части.

— Я... я знаю, что ты больше не станешь рисовать для меня... — прохрипел Ци Хань, еле держась на локтях. Он дрожащей рукой приподнял этот лист и с кривой улыбкой сказал: — Но его можно... можно склеить... Ге, не сердись... пожалуйста...

Время словно застыло, смешиваясь с кровавыми потёками на траве. Фу Гэ не сдвинулся с

места, даже не сделал попытки подойти.

Ци Хань горько усмехнулся, краешки губ дрожали. Он из последних сил пытался удержать руку, но мышцы не выдержали, и пальцы разжались.

Но за секунду до того, как его ладонь упала на землю, Фу Гэ сорвался с места и подбежал, успев подхватить его запястье. Глаза его горели безумной смесью боли и отчаяния.

— Медвежонок... он не для Ци Чуаня... — выдохнул Фу Гэ, и голос его надломился.

Это был первый рисунок, который он сделал после пяти лет мучений и боли. И первым, что он нарисовал, была не птица, не цветок, а тот самый медвежонок.

ПП: *IBV — вымышленная организация или лига боёв без правил, напоминающая известные бойцовские чемпионаты типа UFC или Pride. В контексте новелл такие аббревиатуры часто используются, чтобы подчеркнуть крутизну персонажа, не привязываясь к реальным лигам.

<http://bllate.org/book/14453/1278325>